

Паноптикон братьев Бентам: мифическое чудовище или полезный проект?

Сергей Г. Луковенков

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, lukovenkovsergei@yahoo.com*

Аннотация. В статье анализируется концепция Паноптикона и паноптического пространства, разработанная в XVIII в. Самюэлем и Иеремией Бентам. Популярный образ данного «механизма» представлен как одно из «чудовищ» антиутопической мысли, подобное «Большому Брату». Вопреки оригинальной задумке, Паноптикон и в целом паноптическая архитектура стали синонимами эксплуатации и подавления воли людей. Рассматриваются исторический контекст появления концепции Паноптикона и ее философское ядро. Выделяются два «инсайта», раскрывающие имманентную связь двух элементов социальной жизни – власти и знания. В концепции Паноптикона была схвачена и отражена роль в названной связи познающего взгляда как акта господства и контроля. В эпоху совершенной цифровой экспансии, когда практики надзора стали массовым явлением, Паноптикон может и должен быть переосмыслен. Показано, что, вопреки популярным представлениям, «инсайты» Паноптикона могут быть «дорожной картой» для информационной цивилизации. Культуре, в которой властный взгляд стал массовым явлением, нужны свои «паноптические» инструменты, способные защитить людей от злоупотреблений властью анти-паноптическими надзирателями XXI в.

Ключевые слова: Паноптикон, Бентам, контроль, надзор, Интернет, цифровые технологии, власть, знание

Для цитирования: Луковенков С.Г. Паноптикон братьев Бентам: мифическое чудовище или полезный проект? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 2. С. 38–49. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-2-38-49

The Bentham Brothers' Panopticon. A mythical monster or a useful project?

Sergei G. Lukovenkov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, lukovenkovsergei@yahoo.com*

Abstract. The article analyzes the concept of the Panopticon and panoptic space, developed in the 18th century by Samuel and Jeremy Bentham. The popular image of the “mechanism” is presented as one of the “monsters” of dystopian thought, similar to “Big Brother”. Contrary to the original idea, the Panopticon and panoptic architecture in general have become synonymous with the exploitation and suppression of the will of human beings. The historical context of the appearance of the Panopticon concept and its philosophical core are considered. There are two “insights” that reveal the immanent connection of two elements of social life – the power and knowledge. In the concept of the Panopticon, the role of the cognizing gaze in the named connection, as an act of domination and control, was captured and reflected. In an era of accomplished digital expansion, when surveillance practices have become a mass phenomenon, the Panopticon can and should be rethought. It is shown that, contrary to popular beliefs, the “insights” of the Panopticon can become a “road map” for informational civilization. A culture, in which the imperative gaze has become a mass phenomenon, needs its own “panoptic” tools that can protect people from the abuse of power by the anti-panoptic overseers of the 21st century.

Keywords: Panopticon, Bentham, control, surveillance, Internet, digital technologies, power, knowledge

For citation: Lukovenkov, S.G. (2021), “The Bentham Brothers' Panopticon. A mythical monster or a useful project”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 38-49, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-2-38-49

Эпоха 80-х гг. XVIII в. была временем блистательных политических и культурных событий, определивших дальнейший ход истории. Поражение британской короны в борьбе с американским сепаратизмом; присоединение Крымского ханства в состав России; Французская революция; основание Нового Южного Уэльса – первой английской колонии на австралийском континенте. Но связанные с понятием «меча» и «камня» эпизоды истории, несмотря на событийную красочность, не охватывают всего значительного, что происходит с человеком и его миром. Параллельно политическим потрясениям проходили не менее важные для формирования человеческого духа процессы. В 1781 г. из-под пера кенигсбергского мыслителя вышло сочинение, давшее мощный импульс философии

ской мысли на столетия вперед – «Критика чистого разума» Иммануила Канта; в том же году вышла в свет первая пьеса Шиллера – «Разбойники»; в полную мощь загремели станки Промышленной революции. И к этому десятилетию относится и путешествие английского юриста, реформатора и основателя утилитаризма Иеремии Бентама в Кричев, расположившийся в Могилевской губернии Российского государства. Философ намеревался проведать младшего брата Самюэля, состоявшего в ту пору на службе у князя Г.А. Потемкина. Самюэль Бентам – фигура замечательная для социально-философской мысли, пусть и несколько скрытая в тени старшего брата. Жизнь Самюэля была теснейшим образом связана с военно-морской наукой и инженерией, что позволило ему стать частью истории России и социальных наук. В 1780 г. молодой инженер из Лондона прибыл в Санкт-Петербург для изучения нравов и практик индустриального производства новой для него страны¹.

В 1784 г. он принимает предложение поступить на военную службу, став личным ассистентом князя Потемкина. В связи с этим Самюэль направился в одно из имений своего патрона – Кричев. Имение оказалось своеобразной «лабораторией» для реализации новаторских проектов Самюэля (р. 77). Он застал княжеские фабрики и производства в крайне далеком от совершенства состоянии. Как пишет Мари Бентам в сочинении «Жизнь сэра Самюэля Бентам», проблемы подтолкнули к размышлениям о возможности достичь порядка при условиях, когда численность надзирателей мала, а эффективность их работы вызывает вопросы (р. 83). Плодом напряженной работы был архитектурный проект, стрелецкая идея которого – «централизованный надзор» (р. 83). Но надвигающийся военный конфликт с Турцией скорректировал планы Самюэля, не дав реализовать новаторский проект, как того желал младший из братьев Бентам. Вероятно, в этом и кроется причина, почему Паноптикон связан исключительно с именем Иеремии, пусть даже юрист и не претендовал на право «первенства»: в предисловии к «паноптическим» письмам 1787 г. подчеркнуто, что именно концепты Самюэля стали топливом для размышлений о прикладных возможностях принципа «видеть, не будучи видимым» (р. 40).

Вопрос атрибуции Паноптикона не производит впечатления темы, которая может быть полезной для осмысления работы социальных механизмов или роли технического в жизни человека и общества. Но так ли это на самом деле? В важной для бентамистских

¹ *Bentham M.S.* The life of brigadier-general sir Samuel Bentham, K.S.G. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1862. P. 15 (далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

исследований статье профессора Саймона Верретта, – историка и философа науки из университетского колледжа Лондона, – раскрывается тема взаимосвязи абсолютизма в России XVIII в. и Паноптикона, представленного как продукт конкретного времени и места. Верретт пишет, что особенности политической деятельности екатерининской эпохи стали условиями создания по-своему «театральной» архитектуры Паноптикона версии Самюэля Бентама [Werrett 2008, р. 66–67]. Абсолютизм рассматривается как культура, в которой реальность смешивается с постановочным, и яркий пример – «потемкинские» деревни, понимаемые не только как инструмент создания лучшего образа реальности, но и как стремление претворить утопический сценарий здесь и сейчас; паноптические мануфактуры – органическая часть такой «театрализации» [Werrett 2008, р. 59]. Более того, появление «паноптических» писем Иеремии Бентама в сущности случайно. Первое письмо начинается признанием – вымышленным или нет значения не имеет, – что *однажды*, читая английские газеты, юрист ознакомился с заметкой на актуальную тему реформирования пенитенциарной системы (р. 40). Чтение подтолкнуло Бентама к мысли, что идеи брата как нельзя лучше подходят не только для обновления тюремной системы, но и вообще для всех учреждений, созданных для надзора за п-нным количеством персон, «и все это – благодаря одной простой архитектурной идее» (р. 39). Проект Паноптикона, «паноптические» письма, как и вся последующая история бентамистской идеи, случайна в смысле формы. Легко представить развитие событий, при которых Паноптикон не был бы разработан, а концепция «паноптизма», сформулированная Фуко, не стала бы частью философского дискурса. Но место самой идеи не осталось бы пустым: форма – далеко не самое важное в проекте братьев Бентам, к тому же и не самое актуальное. Кругообразность, центральное положение надзирателя, «театр теней» – это случайные свойства, обусловленные контекстом, практическая польза от которых в данное время минимальна. Но сам Паноптикон – как идея – не только не затерялся в истории, но и приобрел второе дыхание в XX и XXI столетиях. Такое развитие оказалось возможным благодаря тому, что братьям Бентам удалось схватить сущность одного из *архетипов* социального действия – надзора и контроля – как возможности управления посредством Взгляда, направленного на подчиненный объект. Как следствие, на место основного «инсайта» проекта Паноптикона встает раскрытие потенциала Взгляда для реализации власти над физической и ментальной жизнью субъектов. И при этом ненасильственным способом. Так, трактат Иеремии Бентама можно рассматривать как исследование в области психологии власти, пусть сам автор понимал его скорее как «прологемны» к реализации теории на практике.

Базой «паноптического», как механического воплощения надзора и контроля, выступает психологическая взаимосвязь феноменов власти и знания. Человек всегда стремился к получению знания, которое ценно не само по себе, но как практическое преимущество при выборе модели поведения или, в некоторых случаях, бездействия. Так, принятию важных решений в римском мире предшествовали гадания авгуров и гаруспиков. Они были призваны раскрыть волю богов и как бы заглянуть за вуаль невежества, получив преимущество благодаря раскрытию потаенного. Добыча знания была процессом не менее важным, чем само действие. Осведомленность о текущих процессах и доступ к источникам информации – один из «ключей» контролирования как социальной, так и природной реальности. Производство, переработка и дистрибуция знаний – это такие действия, благодаря которым в рамках социальных систем возможно формирование «нервной системы»: культурной среды и мировоззрения. Братья Бентам понимали, что немалая роль в данных процессах отведена способности *видеть*. Так, французский философ и ученый-естественник Пьер Тейяр де Шарден в работе «Феномен человека» пишет, что «стремиться видеть больше и лучше – это не каприз, не любопытство, не роскошь»². И несмотря на то что сказанное относится к вопросу природы человека, подобное выражение может быть хорошо встроено в понимание того, как социальное поддерживает целостность под давлением внешних и внутренних факторов. Взгляд, позиционирующий власть актом видения, – символ, встречающийся в мифах, религиях и народных верованиях: «всевидящее око», «глаз Гора», «дурной глаз» и т. д. Но даже современность не устранила важность Взгляда.

На протяжении истории человек стремился не только к модификации личного зрения посредством усиления естественного техническим, но и к передаче увиденного другим в обход письма и речи. Живопись, лепка, создание гравюры – эти и подобные им виды «визуального» творчества можно понимать, вынося за скобки художественный аспект как средства схватывания реальности и передачи ее таковой, какой она является сама по себе. Конечно, невозможно требовать от художника и ремесленника абсолютного устранения личностной примеси из созданного: авторская интерференция в творчестве – естественный и неустранимый аспект креативной деятельности. Однако уровень ее способен варьироваться благодаря технике, которой пользуется человек. Так, в 1822 г., с созданием Нисефором Ньепсом гелиографии, был совершен прорыв в возможности наблюдать внешний мир будто бы чужими глазами –

² Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. С. 37.

фотографически, – минуя прочие медиаторы (текст, краски, мрамор). Также был совершен важный шаг к «визуальной» массовости. Жильбер Симондон отметил, что

...фотография – это не только прием для съемок; пластичная пленка является также замечательным средством тиражирования, сравнимым с книгопечатанием по числу копий, и лучшей по отношению к книгопечатанию способностью тиражировать изображения³.

Движение человечества к «визуальности» набирало обороты. Так, в 1895 г. состоялся первый массовый кинопоказ работ братьев Люмьер, на котором зрители могли увидеть десять фильмов длительностью по пятьдесят секунд. Событие, небольшое в хронологическом смысле, стало большим в культурно-социальном. Прийдя в себя от первичного страха гипервизуального, человечество пришло к состоянию, в котором изображение и использование «чужой» оптики превратилось в массовый товар. В некотором смысле была пройдена дорога от «слепоты» до «спектакля» – стадии социальной значимости видения, когда «товару уже удалось добиться *полного захвата* общественной жизни»⁴.

Впрочем, видение – не только способность зрительного восприятия объектов. Даже на уровне языка проявлена связь понятий «видеть» и «знать». В словосочетании «видеть паттерны в поведении» глагол «видеть» может отсылать как к буквальному видению действий, так и к «умозрительным» способностям обнаружения содержания, свойств и закономерностей. Так, некто, открывший для себя объединяющий элемент в чем-либо, может сказать «теперь я понял, что», но также и «теперь я вижу, что». В обоих случаях смысл ясен: обретение знания. Вероятно, такое единство есть некая форма социально-лингвистической реакции на значение видения в паре власть – знание, их имманентной связи. Важно, что наблюдение не может быть сведено к структуре «человек – человек», особенно в контексте социальных отношений. Взгляд и власть связаны не только в возможности наблюдения, но и в ускользании от него, в способности не становиться объектом видения, продолжая участвовать в социальных процессах. «Театральность» паноптического пространства проявляется в отношении надзирателя, который в силу архитектурных особенностей должен быть как бы «вез-

³ Симондон Ж. Психосоциология кино (Неизданное). 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://cineticle.com/magazine/issue-23/23-0-simondon-psy-of-cinema> (дата обращения 9 апреля 2021).

⁴ Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертас, М. Якубович. М.: Логос, 2000. С. 34.

десущим» (р. 45) для поднадзорных, создавая ощущение у каждого, что взгляд постоянно направлен в его сторону. Идея состоит в том, чтобы держать человека в напряжении, необходимом возникающем, когда поднадзорный не может разрешить особое «азартное» состояние, постоянно *гадая* над своим текущим статусом, без возможности получить актуальное знание.

Таким образом, необходимо выделить второй «инсайт» Паноптикона: невозможность «визуального» схватывания есть необходимое условие эффективного надзора и власти как таковой, которая, становясь видимой – в смысле визуальности и познаваемости, – может потерять себя и разрушить привычные инструменты структурирования мира. Данный процесс хорошо выражен в фильме режиссера А. Сокурова «Солнце» (2005), посвященного императору Хирохито в период завершения Второй мировой войны. В финальной сцене картины главный герой, в исполнении Иссэи Огаты, с учтивостью и озабоченностью в лице осведомляется, какова судьба юноши, который днем ранее записывал обращение императора к японскому народу о капитуляции. Камердинер отвечает, что оператор после записи совершил ритуальное самоубийство. На вопрос, попытались ли остановить его, Хирохито слышит краткое «нет». Опечаленный император покидает кабинет: так заканчивается фильм, но не события, легшие в его основу. Прямое обращение божественной персоны к нации стало уникальным прецедентом для японской истории⁵. Появление сакральной персоны в пространстве видимости и массовой познаваемости исторически совпало с отречением от божественного статуса правителей Японии. Конечно, легко обрисовать гипотетическую реальность, в которой император Хирохито не стал бы обращаться к народу, а оккупационное правительство не потребовало отречения. Спасло бы это традиционную форму системы власти в японском обществе? Вероятно, утрата сакральности была бы только отсрочена, пока экспансия цифровых технологий не изменила карту «невидимости», а вместе с этим связанный с ней культурный код.

Питер Бергер и Томас Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» утверждают, что

...реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего времени. Это «здесь-и-сейчас» – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни⁶.

⁵ Мак-Клейн Дж.Л. Япония. От сегуната Токугавы – в XXI век / Пер. с англ. Е.А. Красулина. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 711.

⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1992. С. 42.

Распространение информационно-цифровых технологий сильно расширило «здесь-и-сейчас» человека современности. Американские социологи отмечают, что повседневная жизнь человека распадается на регионы, соответствующие его интересам и возможностям влиять на что-либо: ведь

...меня может интересовать, что происходит на мысе Кеннеди или где-то еще, но этот интерес – частное дело, скорее выбор досуга, чем настоятельная необходимость повседневной жизни⁷.

Человек цифровой эпохи – человек, который потенциально заинтересован во всем, поскольку практически до всего он способен «дотянуться» благодаря технологиям. Он может увидеть и познать столько, что пресытится. Но в чрезмерной «открытости» мира, как кажется, коренится причина интереса к «теневым» сторонам Интернета, информационной безопасности и поиску в мире транспарентности анонимности. Желание побороть взгляд подстраивается под особенности времени и места – подобно тому, как Паноптикон был продуктом эпохи, – проявляясь не только в создании нарративов, но и в попытках защиты от тотального «оповседневнивания».

Мировое информационное пространство, т. е. сеть «Интернет», которая в данном случае понимается как созданная ИТ-гигантами сфера, позволяет людям, в меру их сил и желаний, практиковать власть, принимая на себя роль надзирателя паноптического спектра. Используя массовые технологии человек берет на себя функцию надзора, приводя в движение один из типов власти в отношении того, кто, в отличие от поднадзорного в «страшном» Паноптиконе, может и не знать, что оказался предметом интереса со стороны неизвестного. Можно представить ситуацию, когда один человек, готовясь к встрече, результат которой имеет важное значение, попытается «пробить» другого по информационным каналам. «Пробивкой» может быть поиск информации в Интернете, изучение страниц в социальных сетях или даже поиск конфиденциальной информации с помощью сервисов black-hat хакеров⁸. Подобное стремление к практике власти через знание удобно реализуется в пространстве Интернета. Стоит ли, исходя из этого, удивляться, что люди готовы мириться со «шпионажем» платформ, когда взамен получают экономические выгоды, знания и удобства? Все выглядит так, что цифровая коммуникативная

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Black-hat hackers – обозначение хакеров, использующих навыки и уязвимости в цифровых технологиях для достижения преступных целей.

экономика – беспроникнутая ситуация как для рядовых граждан, так и для власти.

Но техническое известно одним неприятным, но существенным свойством: опережать способность человека к адаптации. В контексте цифровых технологий и произведенной ими культуры прозрачности «опережение» выражено интересным, практически диалектическим переходом от преодоления «твердого» иерархического деления людей на надзирателей и поднадзорных к обновленной модели власти, ставшей возможной благодаря виртуальной плоскости существования социальных систем. Так, например, арбитраж IT-гигантов и создание ими ценностных координат, отклонение от которых способно привести к отключению от информационного потока, – не что иное, как проявление осовремененной формы надзора. Это – проявление дигитализированной ипостаси властного взгляда, который господствует из закрытой области корпоративных кабинетов. С выходом работы американского социолога Шюшаны Зубофф подобное стало именоваться «надзорным капитализмом», т. е. логикой власти, при которой «надзорные капиталисты знают все *о нас*, в то время как способы их действия разработаны таким образом, чтобы оставаться непознаваемыми *для нас*» [Zuboff 2019].

По-настоящему экзистенциальный момент возникает тогда, когда человек сталкивается с фактом, что действия и объекты, которые он считает своими и подвластными только себе, то есть «сокрытыми» от взгляда, и которые составляют часть его идентичности, его сакральной жизни, на самом деле не принадлежат ему. В этот момент появляется тревога и чувство отчужденности от самого себя. Важно также и то, что появляется фрустрация от столкновения с новым порядком, когда сокрытое может быть «увидено» не только корпорациями и государством, но и сторонними людьми. Иными словами, возникает угроза, которая потенциально имеет массовый характер. Даже если эта угроза возникает исключительно в уме, а не реально, это заставляет людей выплачивать выкупы преступникам, угрожающим раскрыть персональные данные в иррациональном желании вернуть ускользающую целостность и залатать брешь, открывающую доступ чужому взгляду. Ложное чувство безопасности, обусловленное иллюзией ускользания, – одна из черт «цифрового паноптикона» [Нобан, Нан 2018, р. 70].

Однако называть подобное положение дел паноптической реальностью или надвигающейся тоталитарной антиутопией – практически трюизм, особенно в культурной ситуации, когда политическая значимость цифровых платформ и техники раскрылась в полноте. Паноптическая архитектура, вопреки распространенным

мнениям, — это не машина деспотизма и не аппарат зловещего господства растворенной анонимной власти, но как раз обратное: паноптическое — попытка решения того, что Иеремия Бентам называл самым важным вопросом политической философии — “*Quis custodiet ipsos custodes?*”, т. е. «Кто устережет самих сторожей?». Бентам понимал, что психологическая власть, которую приобретает надзиратель в Паноптиконе, похожа на кольцо Гига, делающего человека невидимым по желанию, что, согласно платоновскому Главкону, неизбежно толкнет человека к несправедливости⁹. В рамках бентамистского проекта «прозрачности» зрителя уделяется большое внимание. В числе одного из преимуществ Паноптикона указывается защищенность в нем от злоупотреблений властью (р. 39). Институты, созданные в соответствии с паноптической идеей, предполагают «открытость» надзирателей публике, их владельцам и другим персонам, на которых не действует власть *deus ex panopticon*. Эффективность, обусловленная технической аргументацией надзорных практик, проявляется в том, что общественный «противовес» должен — теоретически — удерживать надзирателя от замещения социально-утилитарной миссии своими личными целями.

Как технологии усиливают природные возможности человека, так и социальные механизмы подвержены влиянию технического. Потому и важен сегодня, в эпоху успешно проведенной информационно-цифровой экспансии, проект братьев Бентам, которому скоро исполнится два с половиной века. В плане Паноптикона отражено стремление разрешить один из «проклятых» вопросов, интенсивность которого пропорциональна техническому развитию. Речь идет о социально-этических следствиях технологизации жизни человека и влияния на архетипы взаимодействия с миром. Развитие техники и технологизация — явления, которые открывают человечеству двери лучшей жизни, но одновременно ведут к рубежам, преодоление которых равнозначно физической или духовной гибели человека.

Как нельзя мыслить будущее и настоящее человечества, не беря в расчет объективных условий натурального мира, так нельзя вынести за скобки воздействие техники, в том числе информационной. Цифровая среда — это область опыта, при отсутствии которой невозможно представить жизнь XXI столетия. Переплетенность человека с «умными» девайсами и коммуникативность небывалого уровня заставляет вновь обратиться к наследию братьев-

⁹ Платон. Государство // Платон. Соч. в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса; Пер. с др.-гр. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 145.

англичан. Паноптикон – не библейский Бегемот или Левиафан, пришествие которого необходимо как можно дольше оттягивать, но, скорее, предупреждение о том, какая деструктивная сила сокрыта в возможности наблюдать, не будучи видимым. И когда еще более размышления братьев Бентам о Паноптиконе могли стать столь актуальны, как не в эпоху «cancel culture», массового хакинга и IT-гигантов, желающих проникнуть в сокровенное человека, превратив его в потребляющий сам себя товар?

План Самюэля Бентама столь живо отозвался в сознании старшего брата и потому, что паноптическая идея резонировала с целями философа – реформой работы социального целого на принципах открытости, ясности и утилитарности. В условиях, когда деятельность важнейших для жизни общества институтов и платформ становилась все более скрытой за неприступными стенами юридического языка соглашений и условий, изобретение братьев Бентам не кажется пугающим. Культура видения, в которой каждый при желании способен практиковать власть посредством взгляда, как паноптический надзиратель, предоставленный сам себе, рано или поздно должна, если только желает выжить, прийти к ясному пониманию: если возможно злоупотребление надзорной властью в массовом отношении, то появляется и возможность противодействия этому. Конечно, проблемы цифрового мира не могут быть решены простой архитектурной идеей, как то декларировал Иеремия Бентам в XVIII веке, но правильно понятый и преобразованный Паноптикон – вдохновляющая иллюстрация того, что между знанием и властью может быть найден утилитарный баланс. И тогда «всевидящий взгляд» будет способствовать развитию и благополучию человека, а не подчинению скрытым и потому *анти-паноптическим* силам.

Источники

- Bentham M.S.* The life of brigadier-general sir Samuel Bentham. K.S.G. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1862. 346 p.
- Bentham J.* Panopticon; or, Inspection-house // The works of Jeremy Bentham. Vol. 4. New York, 1962. P. 37–172.

Литература

- Hoban, Han 2018 – *Hoban W., Han B.* The Expulsion of the Other. Hoboken: Wiley, 2018. 111 p.

- Werrett 2008 – *Werrett S.* The Panopticon in the garden: Samuel Bentham's Inspection House and noble theatricality in eighteenth-century Russia // *Ab Imperio*. 2003. № 3. P. 47–70.
- Zuboff 2019 – *Zuboff Sh.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York, 2019.

References

- Hoban, W. and Han, B. (2018), *The Expulsion of the Other*, Wiley, Hoboken, USA.
- Werrett, S. (2003), "The Panopticon in the garden: Samuel Bentham's Inspection House and noble theatricality in eighteenth-century Russia", *Ab Imperio*, no 3, pp. 47–70.
- Zuboff, S. (2019), *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, New York, USA.

Информация об авторе

Сергей Г. Луковенков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lukovenkovsergei@yahoo.com

Information about the author

Sergei G. Lukovenkov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; lukovenkovsergei@yahoo.com